

ставлять 8—10 тыс., а численность населения была больше 20 тыс. человек.

Последняя, VIII глава отведена характеристике культуры древней Москвы. Автор заново пересматривает вопрос о датировке, месте происхождения и авторстве ряда литературных произведений XIV—XV вв. и значительно расширяет круг произведений, которые можно связать с Москвой. Автор прибавляет к нему повести о Тохтамышевском разорении 1382 г., помещённые в Симеоновской, Рогожской и Ермолинской летописях, изобилующие большими подробностями в рассказе о московских событиях. Московскими он считает также повести о хождении митрополита Пимена в Царьград и о митрополите Матвее и сказания о Куликовской битве. Интересны, наконец, замечания М. Н. Тихомирова о времени написания Задонщины, которое он считает возможным отнести к 1384 г., и считает её московским памятником, независимо от происхождения

автора, которого обычно считают рязанцем. Глава о московских памятниках литературы XIV—XV вв. является самостоятельным исследованием, удачно завершающим книгу. В приложениях к «Древней Москве» приведены четыре повести о начале Москвы по рукописи Государственного Исторического музея.

Большой заслугой автора является освещение наиболее тёмного и трудного для изучения периода в истории Москвы — первых трёх столетий. Подробно разработан вопрос о расселении города, росте московского посада. Автор по-новому освещает московскую литературу этого периода и даёт оригинальное решение ряда частных вопросов истории Москвы, приводит новые, неопубликованные до сих пор данные. Работа М. Н. Тихомирова является весьма ценным вкладом в разработку истории великой советской столицы.

Б. Кафенгауз

Д. С. ЛИХАЧЕВ. *Русские летописи и их культурно-историческое значение*. Изд. АН СССР. М. 1947. (Научно-популярная серия).

В нашей исторической литературе давно уже чувствовалась потребность в популярном очерке по истории русского летописания. Исследования специалистов по истории русского летописания (Срезневский, Бестужев-Рюмин, Шахматов, Приселков), как правило, настолько сложны по своим исследовательским приёмам, что требуют специальных знаний и специальной подготовки для освоения результатов этих исследований. Но особенно трудно для неподготовленного читателя получить общее представление о современном состоянии вопроса о летописях, в частности о происхождении и об основных моментах истории наиболее известных летописей — Лаврентьевской, Ипатьевской, Софийских, Троицкой и т. д.

Отсюда понятно, что рецензируемая работа должна вызвать к себе весьма большой интерес не только со стороны широких читательских масс, но и со стороны специалистов: историков и историков древней письменности. Подобной обобщающей, но в то же время сравнительно детально излагающей историю русского летописания книги у нас до сих пор не было.

Книга Д. С. Лихачёва состоит из шести частей, предисловия, введения и заключения. В качестве приложения даётся перечень важнейших списков и группы списков русских летописей. Основное содержание частей книги следующее.

В первой части автор касается начала русского летописания, причём говорит о древнейших этапах, — об исторической обстановке возникновения летописания и об образованной летописной форме. Часть вторая специально посвящена «Повести временных лет», а третья — областному летописанию

XII—XIII веков. Часть четвёртая говорит о подъёме летописания в конце XIV—XV в., а пятая — о спаде летописной работы. Последняя глава даёт характеристику летописания в XVII веке.

Переходя к оценке данной работы, необходимо указать прежде всего на ряд её достоинств. Она написана автором, который много работал в области исследования истории русского летописания. Он в курсе всех вопросов данной темы. Большие того: некоторые части данной книги представляют собой сокращённые специальные работы автора, часть которых ещё не напечатана. Словом, в этом популярном очерке истории русского летописания даётся свежий, проверенный в результате самостоятельного исследования материал.

Как видно из приведённого содержания книги, в ней дан полный очерк истории русского летописания с момента его возникновения до конца, т. е. до XVII в. включительно. Читатель, таким образом, может познакомиться (иногда даже в деталях) с основными моментами истории русского летописания.

Автор дал правильную периодизацию истории русского летописания: начало, падающее на XI в., наивысший подъём летописания в Киевской Руси («Повесть временных лет»), развитие областного летописания, связанное с процессом распада Киевского государства, новый подъём летописания в связи с образованием централизованного государства и спад его, обусловленный распространением хронографов и других произведений.

Книга написана простым языком, и читатель может легко разобраться в весьма сложных вопросах русского летописания и

каждый из рассматриваемых периодов. Наконец, к числу других достоинств работы надо отнести ряд правильных решений по отдельным моментам истории той или иной летописи. Иногда автор предлагает новые, оригинальные ответы на некоторые вопросы. Например, оригинально объяснение, почему Нестор при составлении «Повести временных лет» положил начало норманизму. Д. С. Лихачёв указывает, что ссылка на норманское происхождение русской княжеской династии являлась одним из главных обоснований самостоятельности и независимости Киевского государства от вмешательства извне Византии (стр. 159).

Многие положения Д. С. Лихачёва прочно войдут в научный оборот. В особенности надо указать на правильность его взгляда о том, что форма и стиль русской летописи стали развиваться не под влиянием иноземных образцов — византийских, как утверждал акад. Истрип, или западнославянских, как утверждал акад. Никольский, — а под влиянием властных требований русской жизни» (стр. 62).

В общем рецензируемая книга, на наш взгляд, вполне отвечает своему назначению — в популярной форме ознакомить широкую читательскую массу с основным историческим источником — летописями и летописными сводами.

Однако книга имеет и ряд недостатков. Как указано, в ней имеется глава, посвящённая истории изучения летописи, в которой даётся характеристика отдельных исследователей русской летописи — Татищева, Шлецера, Карамзина, Строева, Срезневского, Беляева, Бестужева-Рюмина, Сухомлинова, А. Шахматова, Приселкова. В этой главе Д. С. Лихачёв почти всё внимание уделяет А. А. Шахматову, едва упомянув о других исследователях. Конечно, каждый историк прекрасно сознаёт те огромные заслуги, которые принадлежат А. А. Шахматову в изучении русских летописей. Его работы, несомненно, составляют целую эпоху в науке. Тем не менее было бы неправильно игнорировать работы других исследователей. Между тем об одном из крупных исследователей летописей — Сухомлинове — Д. С. Лихачёв ограничился лишь замечанием: «Ещё раньше работы Бестужева-Рюмина вышла книга М. И. Сухомлинова «О древней русской летописи как памятнике литературного» (1936), в которой сделан опыт установления литературных источников Начальной летописи» (стр. 14). Чрезвычайно мало сказано о современных исследователях. Так, на стр. 34 упомянуты М. Д. Приселков, Н. Ф. Лавров, А. Н. Насонов, Л. В. Черепнин, С. В. Бихрушин, А. Н. Андреев и М. П. Тихомиров. Этот раздел Д. С. Лихачёв называет «Историей изучения летописи». На самом деле, это характеристика работ А. А. Шахматова, в начале и в конце которой упомянут ряд фамилий исследователей без достаточно подробной и справедливой оценки их деятельности.

Как было указано, работы А. А. Шахматова составили эпоху в изучении русских летописей, но неудачи у советских авторов

за тридцать лет не накопилось материала для серьёзной критики его произведений? Мне кажется, это не так. Источниковедческие штудии А. А. Шахматова в конце концов и обусловили развитие двух неправильных, более того, вредных концепций в русской истории, которые прочно укрепились среди русских историков в начале XX в.: о прародине славян, подрывающих взгляд на автохтонность славянства, в том числе и восточного, и о норманском происхождении Руси. Норманисты XX в. главным образом опирались на работы Шахматова о русских летописях.

Наиболее яркий пример влияния норманистических взглядов Шахматова на работы русских историков является брошюра Перхменко «У истоков русской государственности», где этот автор почти без всякой критики следовал шахматовским интерпретациям летописных текстов. А между тем Д. С. Лихачёв весьма недостаточно и слабо критикует работы А. А. Шахматова. Он упрекает его только в отсутствии рельефности, жизненных красок в представлении о неизменности стиля летописания, в известной доле модернизации (стр. 31). При условии, когда А. А. Шахматову посвящают своего рода дифирамб на 20 страницах, а о других исследователях только упоминают, читатель не в состоянии составить правильное представление об истории изучения и исследования русских летописей.

Одним из недостатков данной работы является также и то, что Д. С. Лихачёв, давая характеристику летописных сводов, предшествующих «Повести временных лет», и уясняя формирование идейной основы летописания того времени, исходил главным образом из основных моментов церковной политики того времени. Следуя Приселкову («Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» (1913), автор основным стержнем летописных сводов считает защиту антигреческих тенденций представителей русского духовенства, центром которого был Киево-Печерский монастырь (Никон). Несомненно, эти тенденции существовали и в той или иной степени отразились на содержании и характере сводов, но, мне кажется, что нельзя сбросить со счетов интересы и тенденции феодальных групп. Некоторые страницы летописи, например, характеристика и противопоставление политики княгини Ольги и Святослава, могли быть составлены только под влиянием представителей дружинных, боярских групп. Под влиянием этих же групп получил оформление и вошёл в состав летописи эпический рассказ о борьбе Ярослава с братом его Мстиславом Тмутараканским.

Д. С. Лихачёв много и подробно говорит о роли Яна Вышатича при составлении Начального свода. Он ссылается на работу М. Д. Приселкова, в которой доказывалось, что Ян Вышатич отражал интересы определённых групп княжеских дружинников — бояр. Естественно полагать, что тенденции дружинных групп проявились в той или

ной степени и при составлении сводов, предшествовавших Начальному своду.

Другим наиболее крупным недостатком рецензируемой книги является неравномерность её частей. Большая часть книги (стр. 36—289) посвящена истории летописания до XIII в. включительно. Дальнейшая история летописания до XVII в. включительно рассматривается на стр. 289—419. Некоторые главы, например глава «Летопись в XVII в.» (стр. 375—418), если не считать раздела о сибирских летописях, содержит только самую общую характеристику областного летописания — буквально на нескольких страничках (386—391). Основное содержание этой главы, в сущности, посвящено сибирским летописям (стр. 391—418).

Такая же неравномерность присуща, впрочем, и первой части книги. Например, такому исключительно важному памятнику, как «Повести временных лет» в переработке Сильвестра, посвящены три неполных страницы, тогда как глава «Повесть временных лет и Нестор» излагается на 22 страницах. А между тем сам Д. С. Лихачёв прекрасно сознаёт исключительное значение «Повести временных лет» в этой переработке. «Повесть временных лет», — пишет он, — стоит на рубеже двух эпох; она соединяет в себе культурные черты прошлого и будущего, она заимствует всё лучшее из прошлого и предугадывает многое из лучшего в будущем» (стр. 171). Так почему же автор уделяет так мало внимания той редакции «Повести временных лет», в которой наиболее ярко выяснились эти черты?

Наряду с неравномерностью частей книги необходимо отметить разный стиль, разный характер изложения книги. Имеется ряд глав, которые носят исследовательский характер. Они могли быть частью любой специальной монографии, например глава седьмая, «Образование летописной формы». Но есть главы, в которых пересказываются взгляды Шахматова по тому или иному вопросу. Вообще можно отметить, что чем бли-

же к концу книги, тем популярнее и более общо излагается материал. Создаётся впечатление, что автор утомился работой над книгой.

Недоработанность книги сказалась и в том, что в особом приложении, «Важнейшие списки и группы списков русских летописей», он коснулся довольно подробно истории происхождения и значения ряда наиболее известных списков, т. е. дал материал, который, в сущности, должен был войти в содержание соответствующих глав, посвящённых истории летописания. Приложение подобного рода к книге весьма желательно, но в нём надо давать или археографические описания отдельных летописей или снабжать книгу различного рода справками, которым не место в исследовании.

Хотелось бы сделать несколько замечаний о названиях некоторых видов летописаний, которые были введены в научный оборот Д. С. Лихачёвым. Так, среди областного летописания XII—XIII вв. он указывает на «Городское летописание (летописные своды Новгорода XII в.)». Мне кажется, в этих летописных сводах нет ничего специфического — городского, «муниципального». Новгородское летописание XII в. — это летописание не только города Новгорода, но всей Новгородской земли.

Неудачным мне кажется название, данное Д. С. Лихачёвым одному из видов областного летописания XII—XIII вв. — «Летописные обличительные повести о княжеских преступлениях». Несомненно, эти летописные повести затрагивают и не только «преступления» князей: они повествуют о феодальных войнах между отдельными князьями, войнах, часто сопровождавшихся разного рода эксцессами.

Указывая на эти недостатки, я ещё раз подчёркиваю, что данная книга удовлетворяет своему назначению — ознакомить широкую читательскую массу с одним из замечательнейших наших исторических источников — летописью.

Проф. С. Юшков

Русские полководцы. Генералиссимус Суворов. Сборник документов и материалов под редакцией проф. Н. М. Коробкова. Главное архивное управление МВД СССР. Государственное издательство политической литературы. 1947. Тираж 10 000 экз. 364 стр. Цена 10 руб.

Количество работ, посвящённых крупнейшему русскому военному деятелю и полководцу А. В. Суворову, весьма многочисленно. Но работы дореволюционные (даже и наиболее солидные, как, например, книга Петрушевского «Генералиссимус князь Суворов»), давая богатый фактический материал, совершенно не могут удовлетворить нас своим анализом деятельности Суворова. Литература же советского периода представлена пока преимущественно популярными брошюрками, которые не могут претендовать на серьёзное научное значение. Интерес же со-

ветского читателя к рассматриваемой теме настолько вырос, что он желает ознакомиться с Суворовым и его деятельностью по первоисточникам. В связи с этим издание в текущем году Госполитиздатом сборника документов и материалов, характеризующих Суворова как полководца, должно быть встречено с большим удовлетворением.

Перед составителями данного сборника (ограниченным объёмом его — 20—25 печатных листов) встала трудная задача — из громадного наследия архивных материалов о Суворове отобрать только самое ценное.